

Весной на страницах нашей газеты вышла серия публикаций «Родная улица моя» Льва Попова, нашего земляка, ныне живущего в Челябинске. Мы получили много отзывов о том, что подобные рассказы не просто интересны нашим читателям. Они не оставляют равнодушными ни поколение тех, кто вырос в Советском Союзе, ни молодых. Поэтому мы были очень рады получить это письмо от автора:

«В эти дни в Челябинске готовится к изданию книга «Рассказы о детях войны». Среди этих рассказов есть повествование о белоречанах. Эти истории я высылаю на ваш суд.

С пролетарским приветом, Лев Попов»

Пионерлагерь «Буганак»

Первый послевоенный пионерский лагерь для белорецких школьников был организован в поселке Буганак. Тогда не было еще специальных помещений, и спальный корпус располагался в переоборудованном на лето деревянном амбаре, тщательно вымытом и побеленном известью до самых стропил. Готовила лагерь для приема пионеров группа плененных женщин из Германии, они жили в бревенчатой избушке рядом с лагерем, трудились в совхозе и ничем внимания к себе не привлекали. А чуть дальше стояла кузница, в ней работали два плененных немца. Они подковывали лошадей и выполняли другие кузнечные работы. Когда к ним подходили взрослые, то беседовали они вполне нормально. Когда же появлялись мы, то пленные кузнецы проявляли беспокойство и следили за нами злобными глазами.

Однажды мы увидели, как со стороны кузницы, поднимая пыль, бегут двое наших ребят из средней группы, а за ними гонится один из плененных. Ребята перелезли через жерди, ограждающие территорию лагеря, но и пленный легко преодолел эту преграду. Мы изрядно перетрусили. Почему-то подумалось тогда: «Как хорошо в кино, там, как ни злодействует фашист в начале фильма, твердо знаешь: в конце сеанса обязательно погонит его Красная Армия. А тут: вот он, разъяренный, тяжело дышит, а вокруг одни малыши, да и то - девчонки».

Вздых облегчения вырвался у всех, когда мы увидели, как, перемахнув через перила террасы, начальник пионерского лагеря бросился наперерез пленному. На середине площадки они встретились. Наш начальник, недавно вернувшийся с фронта, был в военной форме, подпоясан офицерским ремнем. Скрестив руки на груди, он внимательно слушал пленного, а тот, задыхаясь от негодования, что-то говорил и говорил. А на вечерней линейке после ужина нам сказали: «Кидаться камнями не надо». И сразу стало понятно, почему кузнецы - немцы так недружелюбно на нас поглядывали.

Примерно через неделю к избушке, в которой жили женщины из Германии, подъехала старенькая полуторка. Радостные, счастливые женщины стали выносить связанные в узлы свои вещи и грузить их в автомашину. Срок пребывания их в СССР закончился, они уезжали к себе на родину. Мы, пионеры, столпившись, стояли рядом и наблюдали. Женщины старались на нас не обращать внимания, побаиваясь, а вдруг начнут камнями кидаться. Погрузив вещи, они сами разместились в кузове, оставив дверь в свою избушку открытой настежь. Шофер, встав на крыло, проверил хорошо ли разместились пассажиры, сел в кабину, захлопнул дверцу, и полуторка тронулась с места. Мы замахали вслед руками. Женщины, увидев, что пионеры не держали камня за пазухой, дружно, как по команде встали в кузове во весь рост и стали махать в ответ руками и платками. Они посылали нам знаки прощания до тех пор, пока полуторка не выехала за пределы села и не скрылась за поворотом...

Высшая мера наказания

Как-то в областном совете ветеранов Челябинска зашел разговор о работе ветеранов из организации «Память сердца», объединяющей детей погибших защитников Отечества. Известная и очень уважаемая участница разговора с недовольным видом заметила: «Всё время им что-то надо, всё дай, дай. Ну и что, что у них отцы погибли на фронте? У меня, к примеру, отец тоже воевал, он ушел на фронт и вернулся только через шесть лет. Ну и чем я хуже?». Нет, она была не хуже, она была лучше их, но между теми, кто вернулся домой после победы живыми, и погибшими на фронте она ставила жирный знак равенства, демонстрируя тем самым незыблемую философскую истину: «Бытие определяет сознание». А мне тогда вспомнился мой земляк-однополчанин Гришка. У него отец тоже погиб на фронте в самом начале Великой Отечественной войны. Спустя много лет, став ветераном, Гришка рассказывал нам о своем детстве. Вот его рассказ, как мне показалось, он звучал глубоким укором всем чиновникам прошлого и настоящего, рассуждавшим так, как наша собеседница.

«В годы войны в нашей школе № 10 Белорецка за партами сидели не по два, а по три и даже по четыре ученика. У многих из них отцы были на фронте, матери работали на производствах. Среди учеников разгильдяи встречались не редко и в те далекие времена. Контакт учителя с их родителями был затруднен, поэтому для общения педагогов с родственниками учеников в школе сложилась своеобразная система. Вначале, используя все научно-теоретические и прикладные методы воздействия на нерадивого ученика, учительница обычно говорила ему: «Пусть завтра после уроков мама или бабушка (или кто-то из старших братьев и сестер) подойдет ко мне в школу». Ученик выполнял ее поручение, но на беседу к учителю никто не являлся. Тогда учительница писала родственникам разгильдяя записку с просьбой подойти в школу на беседу и поручала кому-нибудь из надежных учеников-отличников доставить записку по адресу. Но в школу опять никто не приходил. И тогда учительница применяла к своему ученику-нарушителю высшую меру наказания, существовавшую в нашей школе. Она отбирала у ученика его сумку с учебниками и говорила: «Пусть кто-нибудь из родственников придет ко мне в школу и заберет у меня сумку». Вот этот метод был неотразим. Родственники немедленно прибегали к учителю выручать свою частную собственность - сумку и учебники.

Однажды этот метод был применен и по отношению ко мне. Но это случилось уже после окончания войны, когда с фронта пришел брат моего отца, дядя Ваня. Он привез мне в подарок маленького размера шинель, буденовку, офицерскую сумку и японскую авторучку с вмонтированным в колпачок маленьким компасом. И вот с этим богатством я пришел в школу. Была зима, на улице холод. А мой друг по парте Юрка Юсев зачем-то взял и открыл окно.

Когда же прозвенел звонок, оповещающий об окончании перемены и начале урока, кто-то крикнул: «Константин Емельянович идет!» - это был наш самый строгий, с дореволюционным стажем учитель. И все одноклассники устремились на свои места.

Я же оказался стоящим у створки раскрытого окна. На мою долю выпало закрывать его. Я перестарался, толкнул створку злополучного окна слишком сильно, стекло вдребезги рассыпалось. В то время стекла в городе не хватало, вместо разбитых окон в нашей школе проемы заполняли деревянными утепленными щитами. Несомненно, за такой проступок мне полагалась только высшая мера наказания: у меня отобрали привезенную с фронта и подаренную дядей сумку со всем ее содержимым. Это была катастрофа. И я решил не уходить из школы до тех пор, пока мне не отдадут сумку. Встал в коридоре возле окна, вцепившись обеими руками за трубу центрального отопления, и думал: «Если меня начнут выталкивать из школы, буду держаться за эту трубу, как Васька Панкратов».

Васька Панкратов был года на два старше нас и значился самым храбрым и отчаянным учеником нашей школы. Бывало, даже ребята выпускного класса, столпившись на горе у моста, не осмеливались скатиться на лыжах с высокого берега на лёд реки Белой, говорили нам: «Зовите Ваську, пусть он проторит нам лыжню». Васька приходил и выполнял их просьбу. А когда на заводской плотине сделали обводной канал с наклонными бетонными стенками, многие ребята стали купаться в нём. И один парнишка, не умеющий плавать, лихорадочно барахтаясь на поверхности, стал тонуть. Все растерялись. И только Васька не испугался, поднырнул под утопающего и по наклонной стенке канала вынес его на берег.

А в школе Васька однажды в чем-то провинился, и две учительницы хотели его отвести куда следует. Но Васька крепко держался за трубу отопления. Оторвать его не удавалось. Тогда одна учительница подняла Ваську за ноги до горизонтального положения и изо всех сил тянула его на себя, другая учительница пыталась разжать Васькины пальцы. Разожмет пальцы на левой руке, возьмется за правую руку, а Васька левой рукой опять вцепится в трубу. Ничего не добившись, учительницы ушли на урок... Вот и я рассчитывал таким образом повторить подвиг Васьки. Но разбить в то время стекло считалось слишком серьезным проступком. Сам директор школы Виктор Николаевич не ушел в тот день домой. Он несколько раз проходил мимо меня по коридору и каждый раз говорил: «Иди домой». Но я держался.

День заканчивался, на улице начинало темнеть. И вдруг через окно я увидел, как в школу идет мой дядя: в шинели без погон, но с ярко начищенными пуговицами. Он подошел ко мне и спросил:

- Ты чего плачешь?

- Окно разбил, сумку отобрали.

- Не плачь, да мы им сейчас все окна перебьем! - сказал решительно дядя и зашел в учительскую.

Через окно я видел, как дядя беседовал с директором. Конечно, он пообещал внести плату за разбитое мною окно. Я же впервые в жизни почувствовал тогда, что это такое - получить поддержку в трудную минуту от близкого родственника. Потом, после школы, мне, лишенному отцовской поддержки, не редко приходилось самостоятельно преодолевать трудности, в том числе связанные с явно несправедливым отношением чиновников к нам, детям погибших фронтовиков, открыто игнорирующих льготы, хотя и небольшие, установленные нам государством. И каждый раз я с сожалением думал: «Эх, если бы был жив отец...». Вот такая история».

У Гришки была большая мечта: в память об отце назвать своего сына его именем. Но судьба распорядилась так, что свою семью он не сумел сохранить. Для Гришки это была еще одна высшая мера наказания за собственные жизненные просчеты. Приговор никто ему не выносил, никто его не обжаловал. Гришка умер рано. И род его отца, погибшего на фронте, как и многих солдат Великой Отечественной, отдавших жизнь за Родину, навсегда прервался.

Источник:

Попов, Л. Пионерлагерь «Буганак». Высшая мера наказания [Текст] : [военное и послевоенное детство в воспоминаниях Л. Попова] / Л. Попов // Белорецкий рабочий. – 2018. – 3 июля. – С. 6.